

«Комитет охранения общей безопасности» 1807 года: механизмы выявления и содержание социально-политических слухов*

Козлова Мария Алексеевна

младший научный сотрудник, Институт истории и археологии, Уральское отделение Академии наук.
Россия, г. Екатеринбург. AuthorID: 1161506. E-mail: cozlowa.marya2018@yandex.ru

Аннотация. Работа направлена на анализ специфики оформления и функционирования системы контроля за общественным мнением в эпоху правления Александра I. Обострение внешнеполитической ситуации в Европе требовало координации действий высших сановников империи в вопросе распространения заведомо опасной информации. Особое внимание обращалось на сообщения из Западных губерний, а также настроения городских жителей обеих столиц. Исследуются особенности делопроизводства «Комитета охранения общей безопасности» как одного из ключевых органов, направленных на отслеживание общественно-политических настроений в России. Комитет создавался как временный межведомственный орган, задачей которого являлось отслеживание иностранного, а точнее французского вмешательства в политические настроения общества. Однако впоследствии одной из важнейших тематических групп, рассматриваемых членами Комитета дел, стали сообщения о готовящихся заговорах, слухи, «толки» и пасквили в адрес монарха. Случайный характер поступления дел и отсутствие единого канала для получения информации обусловили специфику функционирования Комитета в вопросе выявления и реагирования на потенциально опасную информацию. Недостаточная регламентация деятельности Комитета, его надведомственный статус и отсутствие развитой системы информантов неизбежно ограничивали как функции органа, так и круг рассматриваемых дел. Комитет 1807 г. являлся одним из ключевых органов, чья деятельность сосредотачивалась на координации действий по реагированию на сообщения о политических преступлениях и общественном недовольстве. Неудача превентивного подхода в вопросе надзора за политическими настроениями привела к пониманию необходимости структурного и централизованного оформления политической полиции, оформившейся во второй половине XIX в.

Ключевые слова: Комитет 1807 г., политическая полиция, слухи, пасквили, общественная безопасность.

Эпоха правления Александра I ознаменована поиском наиболее эффективной модели контроля за «общим мнением». После упразднения в 1801 г. «Тайной экспедиции» [9, с. 603–604] начинается формирование разветвленной системы надзора за распространением потенциально опасной для государственного спокойствия информации. Система охранения «общей безопасности» предполагала создание органов полиции, в чей функционал входил сбор подозрительных сообщений, а также поиск их распространителей.

Освещению вопроса становления и проблеме функционирования органов политической полиции в начале XIX в. посвящено несколько работ отечественных авторов. Среди них можно назвать труды В. М. Клеандровой и Л. С. Яковлева «История полиции, политического сыска и контрразведки России в XVIII – начале XX века» [3], Ф. Лурье «Полицейский и провокаторы» [5], исследование Ф. Л. Севастьянова «Между тайной экспедицией и III Отделением» [26], статью О. А. Любезникова и А. Ю. Скрыдлова «Тайная полиция в Российской империи в 1805–1807 гг.: пути реформирования и преобразовательные инициативы» [6, с. 16–30]. Однако специфику отслеживания социально-политических настроений и реагирования на поступающие сообщения о распространении потенциально опасной для общественного спокойствия информации данные исследования в полной мере не освещают.

Анализ деятельности органов политической полиции предполагает исследование специфики процесса создания системы отслеживания и реагирования на разглашение различного рода социально-политических слухов, «толков» и пасквилей. Слухи как наиболее опасный, с точки зрения охранения «общей безопасности», источник распространения информации требовали пристального внимания. В силу способа распространения информации «слухи и толки» невозможно в полной мере предотвратить, взять под контроль, в связи с чем в органах

политического сыска формировалось четкое понимание о необходимости выявления и борьбы с такого рода «особо опасной» информацией. Ключевыми вопросами в рамках исследования организации высшей полиции первой четверти XIX в. являются системность, масштабность и согласованность действий внутри новых институтов политического контроля, а также анализ специфики работы Комитета 1807 г.

В начале XIX в. учреждаются «Экспедиция о Спокойствии и Благочинии» в рамках образованного Министерства внутренних дел, «Тайная полицейская экспедиция», «Комитет высшей полиции» [5, с. 37–38]. Ведомства имели локальный характер и отслеживали сообщения о распространении слухов преимущественно в столице [6, с. 18]. Однако работа уже существовавших структур оказалась недостаточной. Дальнейший поиск наиболее эффективной модели политического контроля связан с характерной для александровского царствования тенденцией сочетания коллегиальной и единоличной форм управления. Рассмотрение наиболее важных вопросов лицами, обладавшими доступом к информации, способствовало формированию круга компетентных бюрократов. Высшие сановники империи, входившие в состав Комитета министров и Государственного совета, должны были принимать непосредственное участие в поддержании должного уровня общественно-политического контроля. Дополнительным фактором, определившим создание Комитета 1807 г., стала ситуация в Западных губерниях империи. Польский вопрос неоднократно фигурировал в материалах Комитета, а доносы с Западных губерний, в сравнении с другими территориями страны, попадали в Комитет довольно часто.

Так, в 1807 г. по образцу «Комитета Высшей полиции» был учрежден «Комитет Охранения общей безопасности» как надведомственный орган, основная деятельность которого была направлена на анализ поступающей с мест потенциально опасной для общественного спокойствия информации. Задумывавшийся как регулирующий деятельность полиции орган в условиях обострения внешнеполитической обстановки и во время отсутствия императора в столице, Комитет просуществовал вплоть до 1829 г. Последние следственные мероприятия, зафиксированные в рамках делопроизводства Комитета, были осуществлены в 1828 г.

Создание Комитета 1807 г. обусловило начало формирования системы политического контроля, существенной особенностью которой стала попытка более глубокой проработки вопроса организации надзора за общественными настроениями. В состав Комитета вошли действительный тайный советник П. В. Лопухин, сенаторы и тайные советники А. С. Макаров и Н. Н. Новосильцев. Также на заседаниях Комитета присутствовали Санкт-Петербургский главнокомандующий, министр военных сухопутных сил С. К. Вязмитинов, министр внутренних дел, действительный тайный советник В. П. Кочубей [12, л. 1]. Позже в состав Комитета вошел министр полиции А. Д. Балашов, в 1814 г. членом Комитета стал А. А. Аракчеев [5, с. 39]. При Комитете функционировал судебно-следственный орган – «Особенная канцелярия», в состав которой входили двадцать три человека [12, л. 6]. В 1812 г. большинство членов Комитета 1807 г. вошло в состав Комитета министров [26, с. 156], что также способствовало межведомственной координации деятельности органов.

В проекте Н. Н. Новосильцева об учреждении Комитета от 2 января 1807 г. обозначены основные функции работы органа: «Предусматривать все то что могут произвести враги Государства...», принимать меры к открытию лиц, вознамерившихся «завести внутри Государства вредная связи», а также «отвращать или искоренять благовременно таковое зло» [11, л. 2]. Комитету предписывалось рассматривать донесения о «проживающих в Столице вновь приезжающих подозрительных людях; о разглашаемых слухах, сочинениях <...> и собраниях подозрительных» [11, л. 2 об.], сведения, касавшиеся «измены государству и тайных заговоров противу общей безопасности» [11, л. 3]. Согласно Высочайшему указу от 13 января 1807 г. основной задачей Комитета являлось пресечение «к совершению замыслов внешних врагов Государства чрез зловерные переписки, предусматривая (шпионство) и разглашения», а также на сохранение порядка и «благоразумную осторожность в производстве следствий по сему роду дел» [10, с. 983].

По справедливому замечанию Ф. Л. Севастьянова, круг вопросов, рассматривавшихся в Комитете 1807 г., поражает своей неопределенностью [26, с. 156]. Прежде всего перед новым ведомством ставились задачи предусмотреть все, что «могут произвести враги Государства» [11, л. 1]. Подобная расширительная трактовка задач Комитета отразилась на делопроизводстве органа политической полиции.

Анализ материалов фонда Комитета позволяет выделить следующие тематические группы дел: 1. внешнеполитические вопросы, включая обвинения в шпионаже, слухи о про-

движении армии Наполеона, восхваление Франции; 2. сообщения о заговорах и тайных обществах; 3. оскорбления и пасквили в отношении монарха; 4. «слухи и толки» по крестьянскому вопросу; 5. контроль за въездом и выездом в крупные города империи; 6. вопросы, связанные с экономическими преступлениями.

За первый год работы из 62 рассмотренных дел 19 относятся к вопросу внешней политики, начиная с обвинений в переписке с неприятелем и подозрений в шпионаже в пользу Франции, заканчивая восхвалением фигуры Наполеона. Второй по важности темой, исходя из делопроизводственной документации Комитета, являлась критика правительства и самодержца. Следственные мероприятия по данному направлению были проведены по 10 делам, включая пасквили на Александра I, сочинения и рассуждения о необходимости ограничения Верховной власти, а также рассмотрение донесения о тайном обществе. Остальные дела следует определить к крестьянскому вопросу, а также к расследованию экономических преступлений. В дальнейшем число дел, рассматриваемых Комитетом 1807 г., значительно сокращается. Так, в 1808 г., согласно описи фонда, следственные мероприятия были проведены по 10 делам (исключая рапорты приграничных таможен). За следующие три года (с 1809 по 1810) Комитет рассмотрел еще 11 новых дел¹. Новый пик активности пришелся на 1812 г., за который из 15 новых дел 7 можно отнести к вопросу внешней политики, а 5 к «дерзким речам» в отношении императора [17; 18; 19].

Таким образом, в соответствии с задачами Комитета 1807 г., обозначенными в проекте Новосильцева и в Высочайшем указе от 13 января, основным направлением работы данного органа становится борьба с «врагами государства» на двух уровнях. Первый – пресечение прямого или косвенному пособничеству основного внешнеполитического противника империи – Наполеона Бонапарта. Даже в случае неподтверждения сообщений о шпионаже, переписке с французами, разглашении непроверенной информации о продвижении вражеской армии, факт разглашения подобной информации воспринимался как потенциальная опасность для государственного спокойствия.

Вторым не менее важным направлением охраны общественного порядка стало недопущение циркуляции информации, направленной на критику внутривнутриполитического положения в стране. Содержательно одним из вопросов, вызывавших особый интерес, стали различного рода пасквили и слухи о «долженствующей перемене царствования».

Донесения, поступающие в Комитет, нередко содержали слухи о заговорах против монарха. Сообщения о готовящихся переворотах зачастую подразумевали намерение «уберечь», «предупредить», «оградить» монарха от возможной угрозы. Анализ содержания материалов фонда Комитета (РГИА. Ф. 1163. Оп. 1) позволил выделить несколько типов «слухов и толков» в рамках так называемых «внутриполитических дел»: это пасквили в отношении Величества, слухи о возможном государственном перевороте и более широкая группа, классифицируемая как «недозволенные речи», куда можно отнести критику деятельности отдельных чиновников и Правительства, сообщения о «чудесном спасении» Павла I.

Социальный состав распространителей «недозволенных речей» довольно широк. Обвинениям в заговорах и пасквилях подвергались как чиновники и их семьи, так и городские обыватели и крестьяне. Свидетелями или доносчиками, как правило, являлись лично знакомые с обвиняемыми лица, стремящиеся «разоблачить» или искоренить измену государю. Зачастую информация о перевороте, помимо содержательной части, носила также и эмоциональную оценку, выражавшуюся в неодобрении крамолы. Передаваемые слухи могли сопровождаться разговорами о необходимости пресечь заговор, «открыть глаза» императору о готовящемся покушении. Отсюда и стремление «уберечь» царя. Сообщения от частных лиц фиксировали как критику личности самого Александра I, так и сомнения в законности правопреемственности власти императора.

Средой распространения подобных сообщений являлись так называемые места публичной коммуникации: харчевни, рынки, кабаки, литературные салоны, званые обеды. Доносы о готовящемся заговоре могли составляться в разных ситуациях. Так, в 1807 г. Комитет рассматривал донос Амалии Ангельн, изобличавшей распространителя в столице сообщений о готовящемся государственном перевороте: якобы жена генерал-поручика Софья Турчани-

¹ Здесь необходимо уточнить, дознание по некоторым делам могло продолжаться не один год. В Комитет перенаправлялись прошения и доклады на имя высших сановников империи и лично императора, что «растягивало» делопроизводство на несколько лет.

нова рассказывала, что «...должна быть скоро совершена Революция, и потому призывала, ежели ночью случится хотя малейший шум, будить ее. Уверяла что Революция последует не далее, как в крещение, и только ожидают, чтоб вышел манифест...». После Крещения, конечно, никакой революции не свершилось, а Турчанинова настаивала, что «Государь остерегся, и манифеста не видал; так Революция непременно свершится во время войны» [13, л. 9].

Ангельн, прежде работавшая в доме Турчаниновой, на допросе в Комитете показала, что на ее слова о вступлении на престол цесаревича Константина Павловича при возможном заговоре против императора Турчанинова отвечала, что вместо наследника «приготовлен другой, поумнее его» [13, л. 9]. Александр I направил письмо в Комитет, в котором писал: «Не смотря на речи госпожи Турчаниновой, не представляется, что разговоры (болтовня) безосновательны, <...> очевидно, что если мадам Турчанинова не имеет расстройств рассудка или что она не полностью сумасшедшая, невозможно никак пренебречь революционными выражениями, которые она позволяет говорить <...> Она мечтает лишь о Революции, она позволяет себе говорить, что Император не достоин Трона...» [13, л. 1 об.].

Амалия Ангельн намеревалась подкрепить свой донос показаниями свидетельницы Рейнгольд, но та, в свою очередь, свидетельствовала против доносчицы, показав, что о «политических разговорах Турчаниновой» слышала исключительно со слов Ангельн [13, л. 111]. Сама же генеральша всяческие обвинения в свой адрес отрицала, заявив, что о политике никогда не говорила, в отличие от сына Ангельн, якобы сказывавшего: «... что говорят в народе про императрицу Марию Федоровну, яко бы она, вмешиваясь в дела правления, и будучи привержена к французам, дает советы государю в их пользу, а он их истолковывает, и от того дела идут худо» [13, л. 10]. Показания Турчаниновой и Ангельн противоречили друг другу, свидетели не могли в полной мере подтвердить ни одну из версий. Комитет закрыл дело, Турчанинова была выслана из столицы и отправлена с приставом в Житомир. По распоряжению Санкт-Петербургского военного генерала князя Д. И. Лобанова-Ростовского генеральша должна была находиться под надзором полиции [13, л. 145 об.]. Однако Турчанинова скрылась из-под надзора, за ней были отправлены нарочные, а также предписание земским исправникам отыскать Турчанинову «или по крайней мере о собрании слухов, какие могут быть о предпринятом ею пути» [13, л. 168 об.]. Дальнейшую информацию о местонахождении генеральши Комитет так и не получил.

Данное дело демонстрирует два различных варианта слухов, объединенных общей темой под условным названием «перемена царствования». Первый вариант анонимный, фиксирует наличие в обществе группы лиц, способных совершить переворот. При этом не называются ни действия императора, приведшие к формированию заговора, ни конкретные заговорщики или же «кандидат» на российский трон. Второй вариант слуха более конкретен, в нем появляется имя императрицы и апелляция к обману «ближнего круга». С помощью него объяснялись внешнеполитические неудачи Александра I после Тильзитского мира.

В делах о перемене царствования особое внимание Комитета было сконцентрировано на вопросе о претендентах на русскую корону. Круг «наследников» монарха, исходя из «слухов и толков» довольно ограничен. В первую очередь, речь шла о предполагаемой женской фигуре на троне, олицетворявшей образ блистательного века Екатерины II.

Одним из вероятных претендентов на престол в рамках выявленных слухов о заговорах стала Великая княгиня Екатерина Павловна. Исследователи не раз обращались к фигуре сестры императора как к своеобразному центру «консервативной оппозиции» [8, с. 264]. Александр Мартин фиксирует распространение в обществе слухов о готовящемся перевороте в пользу Екатерины Павловны в 1807–1810 гг. ввиду падения популярности императора после Тильзита [7, с. 96].

Согласно доносу, составленному берейтором саксонского происхождения Иоганом Ивановичем Игналинцовым в конце июля 1814 г., жизнь императора потенциально была подвержена опасности в связи с заговором в юго-западных губерниях империи. Берейтор донес городничему города Луцк о существовании заговора на жизнь императора Александра I и Цесаревича Константина Павловича с целью возвести на престол великую Княгиню Екатерину Павловну. Дело дошло до Волынского губернского прокурора, составившего рапорт от 31 июля к министру юстиции Ивану Ивановичу Дмитриеву. На допросе Игналинцов сообщал, что он, «находясь у <...> помещиков Курской губернии в должности берейтора, заметил во многих домах между важными особами в компании заговор относящийся к покушению на жизнь Государя Императора и Его Императорского Величества Государя Цесаревича и Вели-

кого Князя Константина Павловича с участием в том и других губерний помещиков...» [23, л. 10]. 18 августа И. И. Дмитриев направил донесение председателю Государственного совета Н. И. Салтыкову с целью передать дело в ведомство Комитета 1807 г. [23, л. 9 об.].

В ходе допроса в Комитете Игналинцов показал, что заговорщики желали «жить как прежде жили во время царствования Блаженных памяти Государыни Императрицы Екатерины», и, что особенно важно, не приветствовали монарха мужского пола. Иоганн Иванович утверждал, что якобы заговорщики отправились в столицу с некими «бумагами, как он полагает, к тому заговору относящимися» [23, л. 15]. За нелепостью и опасностью подобных слухов и публичных разговоров, а также ввиду отсутствия каких-либо сведений, подтверждавших слова Игналинцова, доносчик был помещен в Александровский равелин Санкт-Петербургской крепости [23, л. 36 об.], а затем определен в Дюнаминдскую крепость под Ригой [23, л. 102].

Екатерина Павловна выступала в качестве репрезентации образа надежды на возвращение былого времени, связанного с образом женщины на троне. Главным же объектом слухов оставалась фигура монарха, вокруг которого плелись «паутины интриг» и заговоров, инициированных некими «злыми» силами.

Альтернативной женской фигурой на троне, согласно рассматриваемым Комитетом 1807 г. донесений, стала и Елизавета Алексеевна, супруга Александра I. В 1813 г. в Комитет поступило дело об извете коллежского регистратора Петра Васильевича Боришевского-Честнейшего на подпоручика сводной дружины петербургского ополчения Калинина [2, с. 270]. Согласно доносу Боришевского, Калинин в один из вечеров в ходе частного разговора подверг резкой критике персону Петра III [22, л. 5]. Помимо дерзких речей в адрес покойного императора, Калинин обвинялся в участии в заговоре с целью «принудить Государя Императора отказаться от короны и просить Императрицу Елизавету Алексеевну принять оную». В заговор в столице якобы вошли «до несколько тысяч, между тем есть человек до десяти знатного духовенства, все почти среднее дворянство и знатное купечество» [22, л. 61].

«Извет» был направлен в октябре 1812 г. в Кенигсберг графу Сиверсу, от которого, в свою очередь, было направлено донесение Его Королевскому Высочеству Герцогу Вюртембергскому Александру. Принц поставил в известность Санкт-Петербургского главнокомандующего М. И. Кутузова, который направил дело в Комитет. В ходе следствия по делу Калинин имел несчастье признаться в сочинении в 1812 г. некой Конституции (о чем в доносе упомянуто не было), добавив, что «позволил себе думать, что есть ли бы царствовали женщины в России, то мы миновали бы злой жребий нашего Отечества, например: если бы царствовала императрица Елисавета Алексеевна» [22, л. 61]. На вопрос о существовании его мыслей, изложенных в авторской Конституции 1812 г., Калинин утверждал, что: «...Кабинет Российской продан Сперанским и что Государь непосредственно в руках французов». Вследствие чего необходимо принять следующие меры: переменить министров и предводителей армии, предоставить казнь до окончания войны, уволить иностранцев со службы, вверить единому Государю начальство над армией: «... ибо вся цель была истребление войск французских». Ключевым аргументом в вопросе предпочтительности женского правления стал факт недопущения в правление Елизаветы и Екатерины II иностранного вторжения и захвата столицы [22, л. 62 об.], что, в свою очередь, отсылало к политическим неудачам и слабости Александра I.

Дальше рассуждений Калинин не пошел, утверждая, что крамольными мыслями поделиться ни с кем не успел и ни в каких заговорах участия не принимал. Однако доносчик Боришевский обвинял Калинина в уговоре «сотовариществовать ему в сем предприятии». Комитет не усмотрел «ни малейшей причины заключать, чтобы подлинно существовал здесь какой-либо заговор» [22, л. 63].

Переключившись на более серьезный, с точки зрения общественной безопасности вопрос, Комитет счел содержание конституции Калинина, созданной под видом спасения России от иноземного вторжения, истинно губительным и направленным на возможное свершение революции. Калинин как человек «вредный и опасный» был обвинен в государственном преступлении и помещен в Шлиссельбургскую крепость [22, л. 63], откуда был освобожден и сослан в Сибирь лишь в 1826 г. по Высочайшему распоряжению Николая I [22, л. 80].

Доносчик Боришевский-Честнейший был направлен на прежнее место службы. Однако ввиду сильной склонности «к болтанию и к рассуждению о делах, превышающих его понятие и до него совсем не принадлежащих», «обязался дать подписку», согласно которой обещал о Комитете и деле подпоручика не говорить и не писать, на письме «быть осторожнее и осмотрительнее» и не заниматься тем, что до него не относится [22, л. 68].

Материалы фонда Комитета 1807 г. содержат информацию и о третьем возможном претенденте на русский престол. Фигура Наполеона не раз мелькала в доносах о разглашении слухов и «недозволительных речей». Так, в 1812 г. в Комитет поступило дело губернских секретарей Фрязиновского и Запрягаева о разглашении «неприличных разговоров о политических делах» [20, л. 12 об.]. В разговоре в трактире Фрязиновский якобы заявил, что в случае победы Наполеона готов ему служить [20, л. 12 об.].

Конечно, вспоминая о фигуре французского императора, чаще всего речь шла о сообщениях, так или иначе затрагивавших внешнеполитический контекст. Появление Наполеона в народных «толках» в качестве альтернативной фигуры на российском престоле стало способом осмысления причин войны с французами.

Так, в 1812 г. в столице распространились слухи о близком родстве Наполеона и Романовых. Якобы император французов являлся «побочным» сыном Екатерины II. С этой точки зрения возвращение российской короны по наследству от якобы старшего брата императора Павла I становится весомым поводом для вторжения армии Наполеона в Россию [4, с. 98–99]. Согласно материалам Комитета, подобные разговоры велись в харчевне Петербурга между торговцем Щебалкиным, харчевником Ивановым и мещанином Воротиловым [18, л. 1]. Согласно показаниям Щебалкин «брал сначала попов, потом Митрополита и наконец Государя» [18, л. 4]. Помимо прочего заявив, что «... Наполеон есть побочный сын Императрицы Екатерины II, и идет присвоить себе корону всероссийскую по наследству после брата законно ему принадлежащую» [18, л. 1].

Публичное обсуждение вопроса о правопреемнике русской короны не мог не заинтересовать Комитет, отвечавший за отслеживание общественных настроений. Сомнения в законности правления императора – один из наиболее тревожных для общественной безопасности вариантов циркулировавших слухов, требовавший особого внимания со стороны органов высшей полиции.

Несмотря на то, что ни один из доносов о предполагаемом перевороте не подтвердился, рассмотренные дела дают возможность сформировать упрощенную схему предполагаемых заговоров. Действия определенного круга лиц, недовольных действиями Правительства и лично императора, непременно могут привести к насильственному свержению власти и скорой смене «порядков». Надежды на возвращение «блистательного века» Екатерины II формировали образ женского правления, воплощавшегося в лицах Елизаветы Алексеевны и Екатерины Павловны как возможных претендентах на престол. Военные же неудачи Александра I стали посылкой к появлению в сюжетах о «недозволительных речах» фигуры Наполеона как альтернативному императору. Рассмотренные дела о «заговорах» отнюдь не являются наиболее распространенной тематикой для расследуемых «Комитетом общей безопасности» дел. Однако проведение следственных мероприятий по данным делам свидетельствует о попытке не столько наказать за распространение «пасквилей», сколько попытаться не допустить дальнейшего распространения подобной информации.

Сообщения о различного рода пасквилях и «недозволительных речах» довольно часто апеллировали к слухам об участии Александра Павловича в событиях 11 марта 1801 г. Разговоры об осведомленности о перевороте или же прямое участие в убийстве отца-императора объясняли несправедливость и неудачи молодого императора. Так, дело якобы ротмистра польской службы Игнатия Мощинского за присланные в Сенат просьбы с «дерзкими об Императоре Александре I выражениями» было рассмотрено Комитетом 1807 г. Мощинский приписывал подольскому коменданту и гражданскому губернатору следующие слова: «... что Государь император для того не может сделать справедливого обиженному удовлетворений, что якобы участвовал в убиении Отца своего» [24, л. 25]. Апелляция к слухам об участии Александра I в государственном перевороте довольно популярная реакция общественности, мотивировавшая неудовлетворенность действиями императора. Не единожды Комитет фиксировал измышления, что Государю «тоже будет сделано, что и отцу его» [14; 16]. В 1810 г. Комитет разбирал дело об угрозе застрелить императора, произнесенной якобы инструментальным мастером Иоганом Ферхо [15].

Оскорбления в адрес монарха нередко носили и бытовой характер. Царь, в народных представлениях, мог стать виновником насущных проблем простого населения: неурожая или падежа скота. К примеру, в 1813 г. казак Черниговской губернии Конотопского повета, села Курени Игнатии Аникиев Хоменко привлечен к ответственности Комитетом 1807 г. за произнесение дерзких слов об Императоре Александре I. Согласно доносу Хоменко в пьяном разго-

воре заявил: «... что пора уже и Государя на цепу взять, за то что он нас и скотину нашу мучит» [21, л. 2 об.]. За оскорбление императора Хоменко определили на заключение в острог [21, л. 24 об.].

Помимо «пасквиелей» и «дерзких речей» о действующем императоре в первой четверти XIX в. распространение получили слухи о чуде спасшемся Павле I. В 1810–20-е гг. в Томской губернии прошел слух, будто один из жителей селений Сухобузимской волости Красноярского уезда является никем иным как спасшимся императором Павлом Петровичем. Якобы бывший русский монарх живет в уединении и бедности вдали от родных, отстраненный от верховной власти. К следствию привлекли красноярского 60-летнего мещанина Ивана Васильева Старцова, донесшего о некоем поселенце Афанасии Петровиче Петрове, имеющем «...у себя на крыльцах между лопатками возложенный крест, который никто из подданных <...> иметь не может кроме Высочайшей власти...», а потому должен быть император Павел I [25, л. 2 об.].

В письме к Александру I Старцов «открыл тайну» отца императора, прося избавить родителя монарха от «страдальческой участи» скитальца [25, л. 2]. Решить данную проблему Старцов предлагал путем возвращения лже-Павла в «клоно семьи» императора: «Если же по описанным обстоятельствам такового страдальца признаете вы Родителем Своим, то не предайте к забвению <...> ограничьте его беспокойную и беднейшую жизнь и обратите в свою отечественную страну, и присоедините к Своему Высочайшему семейству...» [25, л. 3 об.]. В Секретном донесении Государю специальной Комиссии Комитета 1807 г. предписывалось принять необходимые меры «для предупреждения могущих быть разглашений» [25, л. 1]. Из показаний Старцова выяснилось, что слухи о спасшемся Павле Петровиче распространялись «... более 5-ти лет, от разных людей, живших по селениям» [25, л. 27 об.].

Ивана Старцова и Афанасия Петрова (или лже-Павла) подробно расспросили, а после – отправили в Сибирь. В 1823 г. по Высочайшему повелению для прекращения всех слухов было определено возратить Петрова на родину близ Москвы, доносчика же Старцова Комитет рекомендовал возратить на прежнее место жительства, «... и если впредь будет распространять какие-либо слухи, то лишить свободы» [25, л. 28].

Сам Петров, конечно, не выдавал себя за бывшего императора. Однако слухи о чуде спасшемся царе, по утверждению мещанина Старцова, циркулировали среди населения Томской губернии длительное время. Молва о спасении Павла Петровича не ограничивалась данным инцидентом, однако это единственный случай персонализации покойного императора, зафиксированный в материалах Комитета 1807 г.

Таким образом, существенная часть дел, попадавших в «Комитет охранения общей безопасности», затрагивала так называемые политические преступления. Комитет, имея надведомственный статус, концентрировал различные сообщения, доносы и пасквили, по содержанию подходящие под антиправительственные выступления, шпионаж или же свидетельства о неповиновении крестьян и разговорах о «вольности». Дела попадали на рассмотрение в Комитет, как правило, по инициативе самих членов ведомства, получивших донесение с мест о разглашении потенциально опасной для общественного спокойствия информации.

Мотивация доноса, фиксирующего слухи, могла быть связана с личными причинами, как в случае персональной неприязни Ангельн к бывшей работодательнице, также и со стремлением получить определенные выгоды, к примеру, повышение по службе. Доносы, рассматриваемые Комитетом, нередко содержали недостоверные сведения. В случае подтверждения информации государственными органами применялись необходимые меры: доносчик мог быть выслан из столицы или помещен под стражу.

Целесообразно отметить, что выделенные типы политических «слухов и толков» отнюдь не были сформулированы Комитетом целенаправленно. Не имея разветвленной системы информантов и отделений на местах, Комитет был вынужден использовать информацию, поступавшую с мест. Действуя постфактум, Комитет лишь реагировал на свершившиеся действия. Попытки упредить циркуляцию слухов ограничивались конкретными мерами (например, ссылка или расписка с обещанием не вести более «опасных» разговоров) в отношении фигурантов уже рассматриваемых дел.

Основным источником информации об общественно «опасных толках», попадавших, как правило, на стол губернаторам на местах или министрам в столице, стали доносы от ставших «воочию свидетелями» или «услышавших ненароком» сообщения о пасквилях и политических слухах. Донос в силу субъективного фактора является специфическим источником информации, в проверке содержания которого состояла одна из основных задач Комите-

та 1807 г. В случае неподтверждения содержания доноса дело не закрывалось до выяснения всех обстоятельств. Нередко в поле зрения Комитета попадали новые подробности, после чего следственные (допросы, очные ставки) и бюрократические (прошения, донесения) процедуры продолжали свое логическое развитие. Поводом для дальнейшей проверки могли послужить дополнительные показания в разглашении информации антиправительственного содержания или же собственное признание в сочинении и распространении «ненадлежащей информации», направленной на критику политического устройства империи.

Решения по рассматриваемым делам сам Комитет не принимал, равно как и не имел исполнительных функций. Резолюции по наиболее важным делам, касавшимся пасквилей и критики императора и Правительства, выносил лично Александр I. Меры наказания по подобным преступлениям варьировались от высылки «в отдаленную губернию» и запрета на проживание в столице, до помещения в Обуховскую больницу в качестве душевнобольного или заключения в крепость. Во время расследования фигуранты дел нередко находились в Петропавловкой крепости, однако задержались там немногие.

Наиболее жестким приговорам подвергались сами доносчики, озвучившие на письме идею о якобы «скорой перемене царствования», подвергавшие систематической критике деятельность правительственных органов и проявлявшие неповиновение местным властям. Как, например, Игнатий Мощинский, приславший жалобы в Правительствующий Сенат «с оскорбительными выражениями касательно Священной Особы Государя Императора», а также составлявший «дерзкие надписи» на документации, изобличающие воровство чиновников [24, л. 53]. Мощинский, выдававший себя за ротмистра Подольской губернии, подавал ряд жалоб на губернатора, оказывал полицмейстеру «в присутствии полиции грубости, говоря, что он никаких предписаний не слушает и слушать не будет» [24, л. 51 об.]. В 1814 г. Мощинский был оставлен на заключение в Алексеевский равелин, а позднее переведен в Шлиссельбургскую крепость [24, л. 53], где по утверждению М. Н. Гернета он содержался как минимум до 1846 г. [1, с. 257]. Однако все же наиболее распространенным вариантом прекращения дела являлась личная милость императора и всемилостивейшее прощение.

Делопроизводство Комитета 1807 г. показывает, в какой форме и в каких местах осуществлялась неформальная коммуникация в малых группах. В харчевнях, кабаках, на рынках, во время приема гостей обсуждались актуальные социально-политические вопросы. На уровне слухов Комитет фиксировал восприятие населением наиболее острых тем, начиная от войн с Наполеоном, заканчивая сообщениями о заговоре. Подобная коммуникация, являясь элементом публичной сферы, становилась способом заполнить информационный вакуум вокруг обозначенных проблем.

Одной из специфических особенностей функционирования Комитета 1807 г. стало отсутствие системной работы по выявлению слухов и «опасных разговоров». Не формировалась и группа «информантов», отвечавших за отслеживание общественных настроений и поставивших регулярные донесения. Комитет лишь реагировал на поступающие «сигналы» о пасквилях. Отсутствие сознательно выстраиваемого алгоритма выявления «слухов и толков» обуславливала сложившаяся система получения информации с мест. Расследования инициировались по факту поступления докладов губернаторов и министров, часто входящих в состав самого Комитета. Являясь своеобразным «ситом», Комитет концентрировал сообщения, могущие стать угрозой для общественного спокойствия в империи.

Надведомственный статус органа не предполагал какой-либо агентурной сети или целенаправленного отслеживания слухов. Дела поступали в случайном порядке ввиду личной инициативы чиновников. Подобная система случайного сбора информации проявляется в разножанровых делах, являвших собой своеобразный «калейдоскоп» из различных примеров вольнодумства или прямой критики представителей Высшей власти. Отсутствие единого канала получения информации делало Комитет зависимым от личной инициативы сановников империи: подать доклад в Комитет, или скажем, в министерство внутренних дел или министерство полиции (чем отчасти можно объяснить и резкое снижение количества расследуемых дел после 1808 г.). Попытка создать надведомственный орган, концентрировавший доклады губернаторов и министров об общественных настроениях с мест, не увенчалась успехом. Обозначая своеобразную «выжидательную позицию» в отношении политических преступлений, «Комитет охранения общей безопасности» обусловил формирование четкого понимания необходимости организации системы политической полиции, оформившейся после создания III Отделения при Николае I.

Список литературы

1. Гернет М. Н. История царской тюрьмы : в 5 т. Т. 1. М. : Юрид. изд-во, 1960. 384 с.
2. Дело Комитета о Калинине и Боришевском-Честнейшем // Русский архив. 1905. Вып. 1. С. 370.
3. Клеандрова В. М., Яковлев Л. С. История полиции, политического сыска и контрразведки России в XVIII – начале XX века : лекция. М., 1985. 33 с.
4. Козлова М. А. Образ Наполеона в отражении социально-политических слухов первой четверти XIX в. / Ю. А. Петров, М. М. Беклемишева. История России с древнейших времен до XXI века. М. : Институт российской истории РАН, 2023 С. 96–104.
5. Лурье Ф. Полицейские и провокаторы. СПб. : ИнКА, 1992. 417 с.
6. Любезников О. А., Скрыдлов А. Ю. Тайная полиция в Российской империи в 1805–1807 гг.: пути реформирования и преобразовательные инициативы // Петербургский исторический журнал. 2015. № 1. С. 16–30.
7. Мартин А. Романтики, реформаторы, реакционеры. Русская консервативная мысль и политика в царствование Александра I. СПб. : Academic Studies Press, 2021. 550 с.
8. Портной Л. М. Граф Ростопчин. История незаурядного генерал-губернатора Москвы. М. : Бослен, 2017. 432 с.
9. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. СПб., 1801. Т. 26. № 19.813. С. 603–604.
10. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. СПб., 1807. Т. 29. № 22.425. С. 983–984.
11. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1163. Оп. 1. 1807. Д. 1.
12. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. 1807. Д. 2.
13. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. 1808. Д. 4.
14. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. 1809. Д. 6.
15. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. 1810. Д. 1.
16. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. 1810. Д. 6.
17. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. 1812. Д. 1.
18. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. 1812. Д. 11.
19. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. 1812. Д. 12.
20. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. 1812. Д. 14.
21. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. 1813. Д. 2.
22. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. 1813. Д. 5 А.
23. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. 1814. Д. 3.
24. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. 1814. Д. 4.
25. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1. 1822. Д. 2.
26. Севастьянов Ф. Л. Государственная безопасность есть предмет уважительный. Политический розыск и контроль в России от Павла I до Николая I. СПб. : Крига ; Победа, 2016. 552 с.
27. Севастьянов Ф. Л. Между тайной экспедицией и III Отделением. СПб. : МИЭП, 2008. 304 с.

"Committee for the Protection of General Security" of 1807: mechanisms for detecting and the content of socio-political rumors

Kozlova Maria Alekseevna

junior researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Academy of Sciences.
Russia, Yekaterinburg. AuthorID: 1161506. E-mail: kozlowa.marya2018@yandex.ru

Abstract. The work is aimed at analyzing the specifics of the design and functioning of the public opinion control system during the reign of Alexander I. The aggravation of the foreign policy situation in Europe required coordination of the actions of the highest dignitaries of the empire in the issue of spreading deliberately dangerous information. Special attention was paid to reports from the Western provinces, as well as the mood of urban residents of both capitals. The features of the office work of the "Committee for the Protection of General Security" as one of the key bodies aimed at tracking socio-political sentiments in Russia are investigated. The Committee was created as a temporary interdepartmental body whose task was to monitor foreign, or rather French, interference in the political mood of society. However, subsequently, one of the most important thematic groups considered by the members of the Affairs Committee became reports of impending conspiracies, rumors, "rumors" and lampoons against the monarch. The random nature of the receipt of cases and the lack of a single channel for obtaining information determined the specifics of the Committee's functioning in identifying and responding to potentially dangerous information. Insufficient regulation of the Committee's activities, its supranational status and the lack of a developed system of informants inevitably limited both the functions of the body and the range of cases under consideration. The 1807 Committee was one of the key bodies whose activities focused on coordinating actions to respond to reports of political crimes and public discontent. The failure of the preventive approach in the issue of monitoring political sentiments led to an understand-

ing of the need for a structural and centralized design of the political police, which took shape in the second half of the XIX century.

Keywords: Committee of 1807, political police, rumors, lampoons, public safety.

References

1. Gernet M. N. *Istoriya carskoj tyur'my : v 5 t. T. 1* [The history of the tsar's prison : in 5 vols. Vol. 1]. M. Legal publishing house, 1960. 384 p.
2. *Delo Komiteta o Kalinine i Borishevskom-Chestnejšem* – The case of the Committee on Kalinin and Borishhevsky-the Most Honest // *Russkij arhiv* – Russian Archive. 1905. Is. 1. P. 370.
3. Kleandrova V. M., Yakovlev L. S. *Istoriya policii, politicheskogo syska i kontrrazvedki Rossii v XVIII – nachale XX veka : lekciya* [The history of the police, political investigation and counterintelligence of Russia in the XVIII – early XX century : lecture]. M. 1985. 33 p.
4. Kozlova M. A. *Obraz Napoleona v otrazhenii social'no-politicheskikh sluhov pervoj chetverti XIX v.* [The image of Napoleon in the reflection of socio-political rumors of the first quarter of the XIX century] / Yu. A. Petrov, M. M. Beklemisheva. The history of Russia from ancient times to the XXI century. M. Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2023. Pp. 96–104.
5. Lurie F. *Policejskie i provokatory* [Policemen and provocateurs]. SPb. InKA, 1992. 417 p.
6. Lyubeznikov O. A., Skrydlov A. Yu. *Tajnaya policiya v Rossijskoj imperii v 1805–1807 gg.: puti reformirovaniya i preobrazovatel'nye iniciativy* [The secret police in the Russian Empire in 1805–1807: ways of reform and transformative initiatives] // *Peterburgskij istoricheskij zhurnal* – St. Petersburg Historical Magazine. 2015. No. 1. Pp. 16–30.
7. Martin A. *Romantiki, reformatory, reakcionery. Russkaya konservativnaya mysl' i politika v carstvovanie Aleksandra I* [Romantics, reformers, reactionaries. Russian Conservative Thought and politics in the reign of Alexander I]. SPb. Academic Studies Press, 2021. 550 p.
8. Portnoj L. M. *Graf Rostopchin. Istoriya nezauryadnogo general-gubernatora Moskvy* [Count Rostopchin. The history of the outstanding Governor-General of Moscow]. M. Boslen, 2017. 432 p.
9. The Complete Collection of laws of the Russian Empire since 1649. SPb. 1801. Vol. 26. 1801. No. 19.813. Pp. 603–604 (in Russ.).
10. The Complete Collection of laws of the Russian Empire since 1649. SPb. 1807. Vol. 29. No. 22.425. Pp. 983–984 (in Russ.).
11. RSHA (Russian State Historical Archive). F. 1163. Inv. 1. 1807. File 1.
12. RSHA. F. 1163. Inv. 1. 1807. File 2
13. RSHA. F. 1163. Inv. 1. 1808. File 4.
14. RSHA. F. 1163. Inv. 1. 1809. File 6.
15. RSHA. F. 1163. Inv. 1. 1810. File 1.
16. RSHA. F. 1163. Inv. 1. 1810. File 6.
17. RSHA. F. 1163. Inv. 1. 1812. File 1.
18. RSHA. F. 1163. Inv. 1. 1812. File 11.
19. RSHA. F. 1163. Inv. 1. 1812. File 12.
20. RSHA. F. 1163. Inv. 1. 1812. File 14.
21. RSHA. F. 1163. Inv. 1. 1813. File 2.
22. RSHA. F. 1163. Inv. 1. 1813. File 5 A.
23. RSHA. F. 1163. Inv. 1. 1814. File 3.
24. RSHA. F. 1163. Inv. 1. 1814. File 4.
25. RSHA. F. 1163. Inv. 1. 1822. File 2.
26. Sevast'yanov F. L. *Gosudarstvennaya bezopasnost' est' predmet uvazhitel'nyj. Politicheskij rozysk i kontrol' v Rossii ot Pavla I do Nikolaya I* [State security is a respectful subject. Political search and control in Russia from Paul I to Nicholas I]. SPb. Kruga, Pobeda, 2016. 552 p.
27. Sevast'yanov F. L. *Mezhdju tajnoj ekspedicije i III Otdeleniem* [Between the secret expedition and the III Department]. SPb. MIEP, 2008. 304 p.